

Збигнев Зиемковский

Раневская

которая плюнула в безность

Женщины, конечно, умнее

Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на дилетантных мужчин и плохое настроение

Иногда женщины не умеют сдерживать эмоции

Почему же люди такие женщины?

Бог создал женщин прекрасными, чтобы их могли выжить мужчины

Биографии великих
Неожиданный ракурс

Збигнев Войцеховский
Раневская, которая плюнула в вечность
Серия «Биографии великих. Неожиданный ракурс»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8230273
Войцеховский, Збигнев. Раневская, которая плюнула в вечность: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74408-4

Аннотация

«Если человек хочет жить, медицина бессильна!» – сказала Фаина Георгиевна Раневская. Перефразируя ее, скажем так: если Раневская любила кого-нибудь или ненавидела, то принудить ее изменить своим чувствам было невозможно. Эта замечательная книга посвящена взаимоотношениям актрисы с мужчинами. Именно они, представители сильного пола, помогли в полной мере раскрыться личности Раневской – очень талантливой, умной, сильной, благородной, но вполне земной и не лишенной человеческих слабостей женщины. Она была не только по-настоящему народной артисткой, но и замечательным человеком, жила по полной программе, а не существовала. Нам и сейчас можно многому у нее научиться...

Содержание

И снова о ней! Вместо введения	5
Детство и первые уроки	9
Фаина Раневская и отец	14
Первое поражение от мужчины	16
Фаина Раневская, юнкер и гусар	19
Раневская и комиссар	21
Фаина Раневская и Максимилиан Волошин	24
Раневская, Сталин и дворник	27
Раневская, Сталин и Эйзенштейн	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Збигнев Войцеховский

Раневская, которая плюнула в вечность

© Войцеховский З., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

И снова о ней! Вместо введения

Да, именно так – эта книга опять о Раневской. Снова о Раневской. Еще раз о Раневской. «Да сколько же можно о ней писать?!» – слышен возглас, в котором угадываются не только удивление, но и некоторая доля возмущения.

«Бесконечно!» – звучит яростный ответ.

Да, именно так: бесконечно. Потому что ни одна книга о Раневской не может быть лишней, сколько бы их ни было написано. Потому что Раневская – это глыба, это настоящий айсберг, который мало кому виден во всю величину. Под юбки и в душу Фаина Георгиевна пускала далеко не всех. Кто-то приостанавливался у порога, кому-то посчастливилось испить чаю в гостиной, но очень мало людей могли бы похвастаться тем, что оставались на ночь в спальне актрисы...

Да, черт, как интересно! Смотрите: Фаина Раневская имела в своей жизни великое множество мужчин... Что? Вы хотите с этим поспорить? Неужели ни в одной книге о ней вы не встречали любовных эпизодов? Из этого вам угодно было сделать вывод, что Фаина Раневская осталась без детей и семьи, всю жизнь прожила девственницей, вообще была нетрадиционной, как говорят сегодня, ориентации?

Вот что мне исключительно нравится в наших гражданах с огоньком честности, горящим в глазах. Если они не видели, не встречали, не читали, значит, в природе такого не существует. Вот сила притяжения есть. Вы ее когда-нибудь видели? Щупали, слышали? Но она же есть! В следующий раз, когда на первом ледочке поскользнетесь и мягко опуститесь на все четыре свои конечности максимально близко к земле, сможете убедиться в том, что ускорение свободного падения равно каким-то там 9,8 чего-то там. От этих 9 и 8 бывает жутко больно. Вот на Луне падать не больно – там не 9 и 8, а крохи какие-то.

Так вот сейчас я вам, не спотыкаясь и не заикаясь от излишней скромности, говорю категорически: Фаина Раневская пускала в свою спальню столько мужчин, сколько хотела. Пока давайте об этом не спорить – позже сами убедитесь. Потому что вопрос-то сейчас совершенно о другом.

Почему ни один мужчина не написал в своих мемуарах, что имел связь с Раневской, в свое время не похвастался среди своих друзей тем, что переспал с известнейшей актрисой? Почему потом не было ни сплетен, ни пересудов? Как вышло, что вокруг Раневской не возникло ни единого любовного скандала, она не увязла ни в одном «треугольнике», ее имя не полоскали театральные кумушки? Почему ни одна женщина не обвинила Раневскую в том, что та увела у нее мужа, отца детей, любовника или просто друга?

Вот в чем вопрос!

Попробуйте найти ответ. Ведь всякой более-менее умной женщине ясно, что будь ты даже золушкой в театре, тебе не избежать его любвеобильной внутренней горячей кухни, подозрений в стервозности, в тайных страстях, изменах и предательстве.

Именно поэтому о Раневской сегодня вспоминают с вдесятеро усиленной заинтересованностью. Почти каждая образованная и умная журналистка, пишущая статью о чем угодно, найдет эпиграфом для своего опуса высказывание Раневской. Уж чего-чего, а их-то в Интернете сегодня развелось превеликое множество. Будь все эти слова на самом деле сказаны когда-то Раневской, ей, пожалуй, в жизни не хватило бы времени ни для чего больше. Но скажите на милость, какая женщина не хотела бы, чтобы ей приписывали столько высказываний, самых умных, полных тонкого или, наоборот, грубого, какого-то мужицкого юмора, но всегда исключительно точных, глубокомысленных, оригинальных?

Чего тут скрывать, как только ни пытались жить наши женщины, чтобы в действительности почувствовать себя свободными, независимыми, счастливыми, в конце концов. Они

становились и преданными хозяйками, и яростными феминистками, отказывались от семьи сперва в пользу революции, потом – карьеры. Женщины перекрашивались в розовые цвета новых увлечений самими собой, пытались быть властными или безропотно служить...

А счастья, ощущения себя полнокровной, действительной хозяйкой собственной жизни все не было.

Раневская всегда чувствовала себя хозяйкой своего положения. Она не только самостоятельно разбиралась со своей жизнью, но и делала ее!

Почему у нее это получалось, и ничего подобного не выходит у девяноста девяти процентов сегодняшних женщин?

Тут нам предстоит открыть один секрет, самый главный. Для того чтобы самой делать свою жизнь, надо найти того человека, от которого она по большому счету зависит. Это не так трудно, если с холодной головой трезво оглядеться вокруг.

Тогда станет видно, что в политике рулят мужчины. Они принимают законы, подписывают договоры. В экономике происходит то же самое. Мужчины скупают акции заводов, газет, пароходов, делают деньги. В искусстве они тоже на первых ролях – продюсеры, лучшие режиссеры, сценаристы и хозяева театров. Мужчины правят везде.

Самая большая дурость феминисток всех времен и народов состоит как раз в том, что они, эти барышни с пунктиком в мозгу, пытались выцарапать, урвать, откусить, вымолить, выкупить хоть кусочек власти в чем-то. Место в парламенте, в совете директоров, в театре с правом голоса, в семье с правом не рожать, когда не хочешь. Тем самым они будто бы становились распорядительницами своей жизни.

Раневская показала беспроницаемую тактику и стратегию управления миром вокруг себя. На кой черт лезть в эти дела, иметь лишнюю головную боль и заботы? Можно решить все иначе, управлять теми, кто управляет. Иметь управленцев, то бишь мужчин.

«Иметь» – хорошее русское слово. С учетом богатства его смысловых оттенков оно сюда подходит как нельзя лучше. Иметь можно по-разному и разных, тонко и грубо.

Вот скажите честно: зачем вам иметь какую-то фабрику с ее дымящимися трубами, недовольными рабочими и никому не нужной продукцией? Или, допустим, весь этот театр, пропитанный валерьянкой, сплетнями, разрываемый интригами театр? Зачем вам акции ста двадцати компаний, за которыми нужно внимательно следить на бирже, чтобы, не дай бог, они в одну секунду не обратились в прах?

Разве не разумней иметь управляющего фабрикой, директора театра, председателя фондовой биржи?

Иметь мужчин – вот что было жизненным кредо Раневской, вот что делало ее действительно свободной, совершенно независимой. Она имела сотни мужчин в разном понимании этого слова и в самом главном. Эта женщина всегда была над ними!

Как ей это удавалось? Как она могла в то по-настоящему жуткое время вести себя таким образом?

Могла и вела. Фаина Раневская имела маршала, директора театра, сотрудника КГБ, генерального секретаря ЦК КПСС, бравого гусара, талантливого режиссера, успешного артиста, знаменитого журналиста... Да, она имела их, и не наоборот. Они понимали это. Потому-то ни один из них не вспомнил о Раневской пренебрежительно, с оттенком превосходства. Будьте уверены, мужчины очень тонко чувствуют разницу в том, имеют они или их.

Но есть еще одна, самая настоящая, тончайшая грань отличия Фаины Раневской даже от тех женщин, которые имели мужчин точно так же, как и она. Вот вспомните, сколько подобных красоток, ощутивших власть над сильными мужчинами, попадали потом под колеса автомобилей, мозги скольких независимых женщин смывали с окровавленных стен, сколько их будто бы случайно тонуло в ванной? Подойдите к любому мужчине и спросите его: согласен ли он терпеть тот факт, что его имеют?

Точный ответ на этот вопрос вы знаете уже сейчас? Если так, то вы – дура, уж простите великодушно. Потому что мужчина, услышав такой вопрос, непременно поинтересуется или хотя бы задумается: а кто его, собственно, имеет? Дура любовница, дорвавшаяся до власти и требующая немедленного удовлетворения ее прихотей в виде заводного попугайчика? Или чистоплюйка, свихнувшая себе мозги на диете и солярном загаре, отсчитывающая нужное количество зерен риса в своей тарелке? А может быть, это женщина – умная, творческая личность, с которой приятно провести вечерок с бокалом (двумя-тремя-четырьмя) хорошего вина? Пусть она не способная понять всех перипетий производственного процесса на заводе, но может точно уловить эмоциональное состояние заместителя начальника цеха этого самого предприятия и приложить мягкую пушистую лапку к большому месту?

То-то, милые женщины. Помните, что каждый мужчина жаждет быть зависимым. Вы думали иначе? Тогда вы сродни тем самым феминисткам. Мужчина мечтает быть зависимым. Он просто сторает от желания проявить в этой ситуации свои лучшие качества, готов добывать еду и деньги, осыпать подарками и ласками. Дело тут в том, что мужчина по своей природе – увы, лентяй. Только женщина может разбудить его способности. Когда они проснутся, он ждет мягкого поглаживания по голове.

Мужчина жаждет оценки! Всегда и во всем! Криво вбил гвоздь – важно, что вообще вбил! Разбил стакан – главное, не сервиз! Вымыл посуду? Подвиг! Ерунда, что полбутылки мощного средства ушло.

Вот чем отличалась Раневская. Она умела видеть в мужчинах те качества, которые они же сами и считали главными в своем характере, таком интересном! Раневская льстила? Неправда! Она просто умела видеть!

Вы хотите резюме?

Извольте: женщина может иметь мужчину. Он будет знать об этом и от всей души уважать ее.

Но, нежные ласточки, готовые броситься в гнезда коршунов, подождите! Это совсем не главное!

Да, очень важно понимать, что хочет мужчина, и дать ему это. Необходимо знать, что он может, и предъявлять ему только реальные требования.

Но куда важнее учитывать следующее: имейте мужчин, но не используйте, не унижайте их! Не пытайтесь показать свое превосходство над ними!

Фаина Раневская никогда не унижала мужчин, говоря сегодняшним языком, не опускала их. Но как же тогда расценивать ее язвительные, полные остроумия или злого сарказма реплики, которые будто бы были пущены ею в адрес мужчин? Все очень просто: Фаина Раневская умела поставить мужчину на место. Не опустить, не унижить с высоты своего положения, а именно поставить на место, дать ему понять, что она не станет терпеть никакого давления, господства над собой.

Потому что она сама ни на кого никогда не давила.

Да, Фаина Раневская имела сотни мужчин, осознавала собственную власть над ними, но никогда не пыталась использовать свое положение. Не принуждала к подаркам, к особому почтению, к подчеркнутому уважению. Ее власть над мужчинами была таковой, что они, мужчины, сами стремились одарить ее, подчеркивали свое уважение, стремились угодить.

Вы, наверное, читали в детстве книжку о Томе Сойере, не так ли? Хочется напомнить один интересный эпизод из нее. Тетушка Полли заставила Тома красить забор. Огромный и длинный. Все ребята играют – а ему забор красить. Это же страшное наказание! Работать, когда все отдыхают!

Том представлял, как мальчишки будут потешаться над ним. Он порылся в карманах, пересчитал свое богатство. Может, получится кого-то нанять? Нет, богатств у него явно было маловато. И тут ему в голову пришла одна идея...

Итак, первый мальчишка подошел, чтобы потешиться над Томом. Ага, мол, тебя заставляют красить забор в такой день, когда все мальчишки отдыхают! Но Том, к этому времени успевший замазать пару дощечек, равнодушно сплюнул в сторону насмешника. Дескать, меня не заставляют, я вызвался сам! Потому что это очень ответственное дело, здесь нужен точный глаз, твердая рука и настоящая творческая душа...

Вы уже вспомнили, что было дальше. Том изображал перед своим другом настоящего художника. Тот не выдержал, стал просить, чтобы Том дал и ему немножко покрасить. Он готов даже заплатить за это. Вот, мол, отдам почти целое яблоко! Том великодушно согласился. Будто бы с неохотой.

Потом подошел второй мальчишка, опять же с намерением позубоскалить, но отдал горсть семечек за то, чтобы и ему дали покрасить забор. Следом приходили еще и еще. Все они были готовы заплатить за то, чтобы им разрешили красить забор!

Теперь последует небольшое резюме автора этой книги. Если вы предложите человеку что-то сделать и обещаете заплатить за это, то он воспримет ваше поручение как работу, обязанность. Но если он готов сам платить за то, чтобы делать по сути то же самое дело – это уже не работа, а нечто особенное.

Раневская имела мужчин и не требовала от них платы. Она вообще ничего не требовала. Наоборот: все мужчины, которые чувствовали ее власть над ними, старались чем-то ей отплатить.

Вот тот же маршал Толбухин. Этот грозный военачальник, командовавший многими сотнями тысяч людей на фронтах Второй мировой войны, попадает под власть Раневской. И что, Фаина Георгиевна начала требовать от маршала роскошных подарков? Или, может, она намекала о своем, мягко говоря, затруднительном материальном положении?

Нет, Раневская не была дурой. Она знала и понимала, что мужчина, настоящий воин, сам обо всем догадается. Тогда женщина останется в его глазах богиней, которой нужно поклоняться. Если использовать свою власть над ним и требовать очередную золотую цепочку, то мужчина сделает вывод, что он платит. Что его используют. Что он – тряпка, а не герой.

Фаина Раневская делала из мужчин героев, готовых ради нее идти в бой в прямом и переносном смысле этого слова. Вот почему никто из них никогда не вспоминал в своих мемуарах об отношениях с ней. Потому что Раневскую уважали, черт возьми. К ней не могла прилипнуть никакая грязь пошлых любовных драм.

Как это все у нее получалось? Суровая школа жизни. Начиналась она в самом детстве.

Именно с детства Фаины Георгиевны Раневской мы и начнем первую главу этой книги.

Детство и первые уроки

Если вы очень мало знаете о Раневской, то вам наверняка будет интересно, что, во-первых, она никакая не Георгиевна. Она – Гиршевна. Да-да, отец Фаины Раневской – таганрогский еврей Гирша, имевший фабрику. Преуспевающий предприниматель, как бы сейчас сказали. А тогда – не очень крупный фабрикант.

У него были фабрика, свой пароход. А еще были многочисленные вливания в городскую казну в виде благотворительности. Как говорят сейчас, он был спонсором многочисленных социальных проектов, а в ту пору именовался меценатом. Кстати, во многом не от доброты душевной делился с городом своими деньгами Гирша Фельдман. В царские времена евреев в России не жаловали. Для многих из них вход в крупные города был попросту закрыт. Только деньги открывали дорогу.

Что?.. Вы прочли какую-то странную фамилию? Фельдман?.. Ну да, это и есть «вторых». Мало того, что Фаина была не Георгиевна. Вдобавок она не являлась и Раневской. Она была Фельдман и оставалась таковой очень даже долгое время.

Ладно, с фамилией все понятно – взяла себе театральные псевдоним, который спустя годы стал настоящей фамилией. Советская власть тогда приветствовала подобный шаг, принятый многими евреями. Они брали себе некие нейтральные фамилии, не указывающие столь явно на их семитское происхождение.

А с отчеством получилось непонятно что. Гирша у евреев – это Григорий, Гриша у русских. Правильно было бы именовать Фаину Григорьевной, но вот повелось так – Георгиевна. Сама Раневская ничуть не убивалась по этому поводу. Пусть хоть горшок, лишь бы в печь не ставили.

«Называют, ну и пусть называют. Наверное, потому, что Гришка – Отрепьев, а Георгий – Победоносец!» – как-то высказалась она по этому поводу.

В общем и целом, как вы поняли, родилась девочка Фаина в семье зажиточного еврея. Это вот обстоятельство, как вы догадываетесь, стало первым препятствием ее на пути в русское общество. Евреев у нас, что в царское, что в советское время, скажем мягко, не всегда любили. Отношение к ним не всегда и не везде было самым благопристойным.

Уж и не знаю, с какой такой причины стало гулять среди нашего населения мнение, что Фаина Раневская, мол, не вышла замуж потому, что была некрасива. Ведь даже сама она говорила, что ее внешность – ее враг. Чуть ли не притчей во языцех стал якобы ее нос.

Чушь полная! Нос как нос – типично еврейский. И внешность как внешность – характерная семитская. Уж если Фаина Раневская говорила о том, что внешность стала во многом препоной на ее пути, то она имела в виду не свою якобы некрасивость, а именно семитские черты.

Это сейчас смешно и нелепо об этом говорить, но вот вам такой факт. Кто сегодня не знает знаменитого режиссера Эйзенштейна? Да, конечно, это тот самый мастер, который снял знаменитый, еще немой фильм «Броненосец «Потемкин».

Потом было кино еще круче – «Иван Грозный». По личному заказу товарища Сталина! Советской власти нужно было провести тонкую аналогию предвоенного, сурового культа личности с временем историческим. Вот, дескать, царь тоже один спасал Россию-матушку.

Так вот, на одну из ключевых ролей в фильме Эйзенштейн записал Фаину Раневскую. И что вы думаете – не утвердили! Да, тогда актеров на роли утверждали, это не нынешняя демократия. В самых высших идеологических кругах посмотрели списки актеров и заявили, что у Фаины Раневской внешность очень уж характерная. Как же можно ей сниматься в таком очень русском кино?

Ее вычеркнули из списков. Ей вообще не давали главных ролей. Вы должны это знать. Не сыграла она ни одной главной роли в кино.

В театре... да, был спектакль, самый значимый в ее жизни, в котором она играла с упоением. Но как бы сказать, чтобы не очернить память о великой актрисе?.. В общем, играла она роль женщины, которую поместили в дурдом. Вот так-то!

В общем и целом, надеюсь, вы поняли, какую мысль мне хотелось бы донести до вас этими строчками: Фаина Раневская не была некрасивой! Наоборот, она была чертовски привлекательна! Жгучая брюнетка с прекрасной фигурой, театральной мягкой походкой. С утонченным чувством юмора, умом в глазах, интеллигентностью в разговоре.

Хотите убедиться в правоте моих слов? Да поищите в Интернете, не скажу, что очень много, но несколько фотографий юной Раневской вы точно найдете. Она была красавицей! Замечу здесь же для вящего своего удовольствия: в начале театральной карьеры Фаина Раневская имела амплуа «гранд-кокет». Кто-то был трагиком, кто-то комиком, а она использовалась режиссерами как актриса, играющая кокеток. Не станете же вы спорить с тем, что на эти роли нужно было брать как минимум смазливых дамочек?

Но будем честны перед собой и историей. У нашей героини в детстве был недостаток, который попортил ей немало крови и во многом предопределил ее судьбу.

Маленькая Фаина Гельдман была заикой. Чем больше она старалась избавиться от этой напасти, тем хуже становилось. Дошло до того, что мать вынуждена была организовать обучение дочери на дому. В первых классах гимназии девочку попросту травили.

Может быть, имей такой недостаток какая-то другая ученица, дочь какого-либо городского русского чиновника, все было бы совсем иначе. Но Фаина была дочерью еврея, к тому же богатого. Он давал деньги на устройство разных праздников. Это значило, что все остальные дети каким-то образом немного зависели от Гирши Фельдмана.

Богатых у нас никогда не любили. А если такой вот человек еще и добрый, готовый помочь – это веская причина для ненависти. Нелюбовь и предвзятость, проявляемые к отцу, вылились и на дочь.

Маленькая Фаина не только чувствовала себя одинокой, но и была таковой. Общеизвестно, что одинокие дети всегда стремятся придумать свой мир. В нем всем хорошо и весело, там живут самые разные, иногда весьма странные персонажи. Фаина придумывала такой мир для себя и пыталась показать его другим людям. Конечно же, самым близким и родным: сначала матери, потом домашним: отцу, сестре. Своей няне, повару на кухне.

Фаина начала играть роли. Этот момент был наверняка ключевым в формировании сознания девочки. Она поняла всю прелесть перевоплощения, превращения самой себя в другого человека.

Мать заметила эту необычную способность дочери, да и еще одну необыкновенную вещь. Когда маленькая Фаина играла роли, говорила чужими голосами, произносила не свои слова – она не заикалась! Совсем!

Если уж везет, то до конца, если нет, то тоже. Так вот, мать Фаины Раневской сама была буквально больна тем, что считается высоким искусством. Она любила стихи, прозу, боготворила Чехова, была без ума от театра. Увидев самую настоящую игру своей маленькой дочери в спектакле, придуманном ею же самой, женщина возрадовалась от всей души.

Спустя самое короткое время маленькая Фаина начала посещать театральную школу. Педагоги хвалили ее способности, оценивали их очень высоко. Но это была всего лишь обыкновенная детская театральная школа, за посещение которой нужно платить деньги. Кстати, меценат Гирша Фельдман вложил в нее немало своих денег.

Занятия в театральной школе сделали для Фаины реальным то, что ранее считалось невозможным. Она понемногу как будто забывала о своем физическом недуге и начинала говорить без заикания и в обыкновенной, не театральной среде. Пусть ее голос звучал

немного нараспев, но этот успех укрепил уверенность девочки в своих силах и способностях. Фаина начала заниматься в гимназии, как все дети.

Вскоре к ней пришло первое сентиментальное чувство, как будто влюбленность. Конечно же, в самого красивого мальчика в классе. Умного настолько, что он заметил, какими глазами смотрит на него застенчивая Фаина, робеющая от одного его присутствия. Да, заметил и пригласил на свидание!

Это было не просто волнительным, а первым. Поэтому страшным, притягательным, настолько глубоко личным, что никому-никому нельзя было рассказывать о будущем вечере.

Встреча должна была состояться в парке, под большим деревом, которое в городе знали все. Свидания тут назначались очень часто. Ошибиться с местом было нельзя.

Но юная Фаина пришла туда и решила, что ошиблась. Возле этого самого дерева прохаживалась ее подруга, явно ожидая кого-то. Ладно, не совсем подруга. Таких у Фаины просто не было, но с этой девочкой они были достаточно дружны.

Будь обе постарше, поопытнее, они пообщались бы, узнали бы всю правду о своих свиданиях. Все было бы хорошо. Но получилось иначе. Больно.

Фаина, уже в ту пору отличавшаяся острым умом и способностью сравнивать, размышлять и делать выводы, попробовала заговорить с девочкой. Тем более что они были чем-то похожи. Обе не самые известные красавицы, почти одинакового роста, да и гардероб их не сильно отличался. В ту пору, как вы понимаете, бутики на каждом углу не стояли. Заметное внешнее различие заключалось в том, что Фаина была черненькая, в легких кудряшках. Другая девочка была белокурой.

Попытка заговорить с ней для Фаины закончилась ничем. Если у нее в тот момент над всеми чувствами преобладали ум и интерес, то у девочки-соперницы – ревность и соперничество.

Мне вот кажется, что если сегодня две взрослые женщины окажутся где-то в одном месте, явно приглашенные на встречу, вынужденные томиться ожиданием, то они ни за что не заговорят друг с другом. Эти особы будут скептически оценивать одна другую, искать малоприятные черты в фигуре, одежде, лице, прическе и очень нервно ожидать прихода своих кавалеров. Потом одна из них обязательно чуть обернется, мстительно улыбнется и буквально выкрикнет одним только взглядом: «Мой – круче!» Так уж устроены женщины. Каждая изначально видит в другой прежде всего соперницу.

Юная Фаина понимала это. Но тот факт, что она и одноклассница оказались в одном месте в одно время, что они внешне были очень похожи, если не брать в расчет цвет волос, возбуждал в ней нехорошие подозрения. Фаине хотелось поделиться с девочкой именно ими, но та отвергла предложение поговорить.

Шло время.

Девочки чуть прохаживались вокруг назначенного места, нервно поглядывая на дорожку, ведущую к входу в парк.

И вот появился тот самый красивый мальчик их класса. Он шел уверенно, неторопливо. Улыбка удовольствия растягивала его губы. Он уже увидел двух девочек, ожидающих его.

Тут они разом поняли, что он назначил встречу им обеим. Они пришли сюда по его приглашению. Он сделал это совсем не по рассеянности, ничуть не случайно.

Девочки замерли.

Что они чувствовали в тот момент? Фаина Раневская в своих воспоминаниях не оценивала ни саму себя в этот момент, ни мальчика, ни свою соперницу. Она вообще не расписывала ситуацию. Просто рассказала, так, мимолетно. Только добавила в конце буквально несколько слов: «У меня уже есть опыт, когда тебя выбирают».

С одной стороны, это было и в самом деле похоже на то, что повторится для взрослой Фаины Раневской много-много раз. Кто-то будет осматривать, оценивать и выбирать:

на главные роли, на роли первого плана, на роли без слов. Она будет вынуждена молча смириться и с процедурой выбора, и с его результатом.

Но давайте вернемся в тот парк.

Ни одна девочка не сделала шага навстречу мальчику. Каждая боялась самого страшного: что не она будет избрана, что мальчик отвернется именно от нее. Потом юная Фаина увидела, как он подошел к ее однокласснице и взял ее за руку. Они рассмеялись, глядя в растерянное лицо Фаины, в выразительные глаза, сейчас полные слез.

Фаина не заплакала, сдержалась. Она повернулась и пошла спокойно, неторопливо. Хотя в тот момент ей хотелось бежать стремглав и кричать, плакать от жгучей обиды.

А потом случилось и вовсе страшное. Та самая соперница вдруг нагнулась к земле, подняла несколько камешков и стала их бросать в спину Фаины. А мальчик смеялся. И та девочка тоже.

Только что пережитый унижительный выбор вдруг превратился в ужасающее, самое подлое предательство. Фаина поняла, что все было подстроено, что она стала игрушкой для их развлечения. Ее пригласили в этот сад только затем, чтобы подвергнуть унижению. Его готовили именно для Фаины и добились своего.

Камешки больно стегали ей в спину, оставляли грязные серые следы на платице, но Фаина не побежала. Внезапно своим маленьким умом она поняла, что самое главное в женщине – чувство собственного достоинства. Без него ей не стать свободной.

Она шла и глотала слезы, пока поворот дорожки не спрятал ее от обидчиков. Только потом девочка разрыдалась в голос, побежала, позволила своей горькой обиде вырваться наружу.

Фаина Раневская получила первый урок предательства, публичного унижения. Смеялись уже не над тем, что она была вот такая. Издевались не над ее еврейским происхождением или физическим недостатком – заиканием. Девочку унижали не потому, что она – дочь богатого и влиятельного отца.

Нет, сейчас было все куда страшнее. Сейчас смеялись, оскорбляли, унижали ее собственные чувства. Не физическую оболочку, данную природой, а внутреннее мироощущение, чувства, твое собственное «я», которое только начало прозревать. Это был страшный урок выживания, жестокий опыт. Удар был нанесен по самым сокровенным, самым светлым ее чувствам.

Мы все хотим добиться понимания и признания наших чувств и желаний, права иметь их, именно вот такие. При этом мы не должны слышать позади себя свист летящих камней и ощущать боль в спине от ударов.

Можно приспособиться и жить, выдавая за свои чувства некий суррогат, который будет по вкусу толпе, иметь как будто собственное мировоззрение, старательно подогнанное под запросы так называемого общества и отвечающее его требованиям. Можно жить в ореховой скорлупе, тщательно храня все свое, самое сокровенное.

Тогда, в далеком детстве, Фаина Раневская вдруг с максимальной силой поняла, что значит иметь свое собственное чувство, чем это может грозить. Она испытала и физическую, и душевную боль. Казалось бы, этот урок должен был если не сломать, то, как говорится, научить девушку прятать свое истинное «я», приспособливаться.

Но она вынесла из этого испытания ровно противоположное решение. Раневская встала на свой жизненный путь с собственными открытыми суждениями, чувствами, желаниями и пошла по нему.

Она победила, доказала всем, и прежде всего самой себе, что независимое суждение, пускай и идущее вразрез с неким мнением общества, имеет право не только существовать. Оно вполне может быть правильнее, умнее, весомее и, главное, нравственнее во всех отношениях.

Хотите пойти по этому пути, иметь свое собственное весомое «я»? Желаете, чтобы с вами считались, к вам прислушивались? Хорошо, ступайте. Только помните, что в спину вам в любой момент могут полететь камни, которые ранят не столько тело, сколько душу. Порой вам будет не только физически больно, но и одиноко.

Фаина Раневская и отец

В отношении отца мне не хочется употреблять слово «имела». Думаю, вы сами улавливаете его не очень приятное звучание в данном случае. Заменяем это слово на другое: «сделала». Хорошее слово, обиходное. Так отзываются о многом, но в самом широком понимании словосочетание «сделать кого-то» означает «одержать верх», «победить», «выиграть», «уговорить», «переубедить», «заставить сделать по-своему».

И вот юная Фаина Раневская сделала отца.

Начнем по порядку. После первого урока, полученного от юноши в парке, прошло уже целых три года. Это немалое время для усваивания основ тех порядков, которые царят в обществе, вокруг тебя. Тот горький опыт наложил свой отпечаток на юную Фаину. Она стала скрытной, независимой в суждениях, отстраненной от основной массы. Но в то же время у нее появились друзья, близкие ей по духу.

Она нашла их в театральной школе, где продолжала заниматься с все возрастающим интересом. Театр захватил ее. Иначе и быть не могло – тонкая, артистическая натура Фаины Раневской искала выхода и нашла его на сцене. Учиться проживать чужие жизни стало ее потребностью, но не в том смысле, чтобы прятаться от себя, а в том, чтобы уметь уловить всю глубину чувств своего персонажа. Но главное в том, чтобы донести до зрителя эти чужие для тебя чувства.

Фаину Раневскую театр пленил. Ее околдовало само творчество. Она со всей страстью начала читать все, что тогда имело значение для творческих людей. Она открывала для себя новый, совершенно невероятный мир, в котором не было мещанского быта, мелочных дрызг. Сам человек становился здесь источником света и центром Вселенной. Решение связать всю свою судьбу с театром было таким же логичным, как есть борщ с хлебом.

И тут на горизонте открывающихся перспектив возник отец. В принципе, не он сам, а олицетворение в нем уклада жизни зажиточного еврея. Почитание родителей детьми было столпом и основой этого древнего порядка. Понятие «почитание» в первую очередь трактовалось как «послушание». Беспрекословное. Всенепременное. Безоговорочное.

В этом укладе судьбы дочерей зажиточных родителей определялись очень четко. Они должны были непременно выйти замуж за единоплеменника, равного по состоянию и общественному значению, а лучше – если выше, нарожать детей и блюсти семейный очаг.

Помянутый уклад жизни строился с учетом перечня тех занятий, которыми могла увлечься Фаина Раневская, дочь богатого человека, тем паче иудея. Так вот, посещение девочками театральной школы за деньги, которые зажиточные люди платили учителям и держателю заведения, было естественным и понятным. Детки развиваются, играют, радуют своих родителей веселыми постановками. Это очень даже хорошо.

Гирша Фельдман с большим удовольствием посещал театральную школу, где смотрел на игру своей дочери в разных спектаклях. Он радовался еще и потому, что те немалые суммы, которые он жертвовал на школу, не считая оплаты за занятия дочери, имели такую хорошую отдачу. Его голова по-настоящему отдыхала от повседневных экономических забот.

В общем и целом в семье Гирши Фельдмана царил некая идиллия, пока Фаине не исполнилось восемнадцать лет. Для нее пришло время как-то посерьезнее определиться со своим будущим. Отец девушки уже осторожно подыскивал ей жениха, то и дело оглядываясь на Петербург и Москву.

Ветер уже начал приносить оттуда дым будущих пожаров. Увы, всей ровно текущей и спокойной жизни Таганрога, как и всей России, приходил конец. Началась Первая мировая война, приближение революции становилось почти очевидным.

Гирша Фельдман имел многочисленные связи среди своих единоверцев. Он уже знал о еврейских погромах, происходящих в России, не сомневался в том, что катящийся вал революции не остановит ничто. Поэтому для него мысли о будущей эмиграции, устройстве на новом месте были совсем не праздными.

Отцу было крайне важно определить судьбу и двух своих дочерей. Маленькая империя, созданная им, давала возможность обеспечить безбедное существование не только детям, но и внукам. Главное – удачно выдать замуж дочерей, чтобы зятья оказались толковыми помощниками.

Восемнадцатилетняя Фаина Фельдман расцвела ровно настолько, чтобы в спешном порядке задуматься о семье. В те времена этот возраст для девушки был уже едва ли не критическим. Гирша решил напрямую поговорить с дочерью. Он всерьез рассчитывал, что раз она не проявляет особенного интереса к мужчинам, то, стало быть, согласится на кандидатуру, предложенную им.

Отец пришел к дочери, начал разговор и был сражен ее заявлением. Фаина решила ехать в Москву, учиться в театральной школе.

Дочь богатого еврея станет играть в театре? Смешить публику? Кривляться со сцены? Кокетничать? За это ей будут платить жалкие гроши?

Ни за что!

Гирша Фельдман рассчитывал на послушание дочери, но оказалось, что это правило в глазах Фаины перестало действовать. Она беспрекословно слушалась папеньку аж восемнадцать лет. Но девочка выросла. Фаина решила, что отныне она сама будет отвечать за свою судьбу.

Отец кричал и угрожал, ругался и упрашивал, уговаривал, убеждал, пугал. Ничего не помогало. В какой-то момент он применил запрещенное средство – сказал, что его дочь не годится в артистки, потому что элементарно некрасива. Но это не подействовало. Тогда Гирша Фельдман понял, что дочь ему не сломать, и отказал ей в содержании.

Фаина Фельдман уехала в Москву.

С одной стороны, может показаться, что отец не остался побежденным. Его решение не давать дочери денег было жестоким, но выглядело как поступок победителя. Хотя должен вам сказать, что без денег в те годы Фаина Раневская не осталась. Мать регулярно посылала ей небольшие суммы. На фоне фактов, открывшихся спустя многие десятилетия, становится ясно, что делала она это с разрешения мужа.

Театральная жизнь в Москве, а потом в Крыму так затянула Фаину Раневскую, что о воссоединении с семьей, которая уехала в эмиграцию в 1917 году, не могло быть и речи. Может показаться, что Фаина была забыта отцом и матерью, но это не так. Гирша, как оказалось, постоянно следил за ее успехами из эмиграции. Радовался. Был счастлив, когда к его дочери пришло настоящее признание, пусть уже и в чужой для него стране.

Таким вот образом и получилось, что первым мужчиной, над которым Раневская одержала верх, был ее собственный отец. Это укрепило веру Фаины в то, что она сможет, если захочет, добиться собственной независимости в этом мире, летящем в тартарары.

Первое поражение от мужчины

Самое первое свидание забылось, обида зажила. Прошло почти десять лет. То детское чувство первой влюбленности теперь, из дали годов, казалось Фаине смешным, камешки, летящие в спину, – почти безобидными. Иногда она вспоминала о той девочке, дурочке, в общем-то.

Поэтому Фаина Раневская опять влюбилась. В мужчину. В актера театра. Не в простого, а в самого главного.

Вы как хотите, а я ее прощаю, пусть она и потеряла голову. Потому что Фаина Раневская в первую очередь любила театр, олицетворением которого для нее стал именно этот человек. Она буквально обожествляла его, высокого, сильного, а главное – уверенного в себе.

А дело было так.

В Москве карьера Фаины Раневской сложилась не самым лучшим образом. Она играла в летнем театре, зимой он закрылся. Мест не было. На театральной бирже Фаине предложили работать в театре в Крыму. Кстати, именно там определили ее первое амплуа как «гранд-кокет». Она поехала туда.

В одном из спектаклей у нее была роль заднего плана. Несложная, безмолвная. Она, влюбленная в главного героя, должна была появиться на сцене, а потом исчезнуть. И все.

Для Фаины Раневской сыграть эту роль было и сложно, и просто. Сложно потому, что перед ней стояла задача показать зрителю искреннюю влюбленность и сделать это без слов, за несколько коротких минут. Просто потому, что к этому времени Фаина Раневская буквально боготворила главного актера театра. Она была искренне влюблена в него.

Стоит вот что еще сказать. Театры в Крыму, многочисленные, самые разные, не отличались высоким профессионализмом. Режиссеры преследовали одну-единственную цель: чтобы отдыхающей публике было не скучно, а весело. Поэтому они ставили простые спектакли в основном любовной тематики, безо всяких глубоких измышлений.

Свою роль Фаина Раневская могла сыграть, элементарно выйдя и встав где-то в уголке на заднем плане. Кто-то из персонажей пьесы сказал, что есть еще одна дурочка, влюбленная в героя. Вот выйди и покажись.

Но это была Раневская. Она уже с первых ролей не давала себе никаких скидок даже в таких пустяковых постановках. Надо сыграть так, чтобы зритель увидел и поверил.

Растерянная от сверхзадачи, поставленной самой себе, она решила подойти к главному актеру, своей мечте, и спросить, как же ей играть.

– Милочка, ты меня там любишь? – небрежно поинтересовался актер. – Прекрасно, тогда плачь!

Фаина Раневская плакала. Она вышла и безмолвно – ведь по сценарию тут нет никаких рыданий! – глотала слезы, буквально пожирая глазами свою любовь.

Черт возьми, но зрители заметили эту плачущую девушку, поняли ее любовь! Она ощутила волну сочувствия, идущую из зала.

Спектакль закончился, а она продолжала плакать. Уже почти вслух, совершенно по-настоящему.

– Душечка, что с тобой? – решил снизойти да нее главный актер. – Почему ты плачешь?

– Потому что я люблю вас, – ответила зареванная Фаина Раневская.

Актер на минуту задумался и продолжил:

– Вы снимаете квартиру неподалеку? Одна? – Он услышал утвердительный ответ и тут же продолжил: – Тогда, милочка, ждите меня сегодня в семь часов! – Актер совсем потечески тронул голову девушки.

Фаина Раневская летела на свою съемную квартирку не просто окрыленная. Она была безумно счастлива и озабочена. К ней придет такой мужчина, а что у нее есть? На ней самой?.. Боже, разве же в таком белье можно принять мужчину? В этом платье?

Для ясности следует заметить, что все свои театральные костюмы актеры типа Раневской, то есть новички, пока не вписавшиеся в основной костяк театра, должны были покупать за собственные деньги. Раньше, в Москве, на средства, присланные матерью, Фаина купила несколько красивых платьев. Теперь одно из них она несла продавать или обменять. У нее не было белья, достойного такого мужчины! Это же ужас!

За полчаса до прихода актера Фаина, вся избегавшаяся, села и стала терпеливо ожидать. Квартира была выдраена набело, все сияло чистотой и свежестью. Лампа под новым темным абажуром светила таинственно и располагала к единению душ и сердец. Два только что купленных бокала, бутылка вина на столе, еще две – в небольшом кухонном шкафчике.

Фаина ждала. Ее сердце стучало все сильнее.

Ровно семь.

Никто не постучал в дверь. Прошло пять минут, потом десять, четверть часа. Актера не было. Фаина осторожно выглянула из квартиры – улица была пустынной, неживой. Никто к ней не шел.

В растерянности она вошла в дом, зачем-то стала опять протирать бокалы, переставлять с места на место бутылку красного виноградного вина. Потом Фаина села и смотрела на тени от абажура, которые пестрели на сером низком потолке.

Она услышала уверенные громкие шаги. Тут же кто-то затопал возле двери, постучал в нее. Девушка бросилась открывать.

Ее пьяное театральное божество стояло, чуть покачиваясь, держа в одной руке бутылку дорожущего коньяка. Актер улыбался, ничуть не смущаясь.

– Ты позволишь, душечка? Ты же обещала, так?

– Да-да, конечно, – пролепетала Фаина, отступая в комнату.

Актер уверенно, по-хозяйски шагнул вовнутрь, огляделся по сторонам, удовлетворенно хмыкнул и спросил:

– Клопов в кровати нет?

– Нет, – опешив, еле выдавила из себя Фаина.

– Это хорошо, замечательно. – Актер поставил бутылку на стол и крикнул в дверь, все еще открытую: – Люсик, солнышко, заходи!

В комнату зашла полноватая женщина среднего роста. В этой особе было что-то вызывающее: во взгляде, в улыбке, в походке, в одежде. Она точно так же, как и актер, окинула оценивающим взглядом комнату, особенно кровать, где Фаина два часа назад постелила свежее белье, и удовлетворенно хмыкнула.

Актер улыбнулся, подытоживая эти смотрины, встал вплотную к Фаине, взялся за пуговку платья на груди и стал говорить:

– Милая, ты же меня любишь, да? Я тебя прошу оказать мне совсем маленькую услугу: сходить погулять. Всего два часика. Нисколько не вру – ровно два часика. А, деточка? Иди, погуляй...

Фаина плохо соображала, что делала. От осознания того, что произошло нечто страшное, очень мерзкое и гадкое, в ней все горело. Она набросила на плечи пальто, выскочила на улицу, уже почерневшую. Хорошо, что начался дождь. Если бы на улице было тихо и уютно, она не вынесла бы контраста умиротворенной природы и чувств, бушевавших в груди.

Фаина шла без цели, не задумываясь, шла долго, поворачивая раз за разом в самые темные улочки. Она тихо плакала, кусала уже опухшие губы.

Девушка устала, промокла до нитки, озябла до полного бесчувствия пальцев ног и рук. Только за полночь она вернулась в свою съемную квартирку.

Горела лампа под темным абажуром. Измятые простыни на растерзанной кровати откровенно рассказывали о похотливой страсти, недавно бушевавшей здесь. На столе бутылки с недопитым коньяком и вином, один бокал на столе, второй, разбитый, – на полу.

Фаина с остервенением мыла уцелевший бокал, потом яростно сорвала с себя мокрое платье и новое белье, переделалась в сухое, присела к столу. Она налила полный бокал вина, выпила залпом. Закурила. Девушка почувствовала, как легкое тепло внутри ее стало осторожно входить в руки и ноги, разливаться дальше по телу.

Она сидела, пила и курила до глубокой ночи.

Через два дня ее недавнее божество, главный актер театра снова подошел к ней, улучив минуту уединенности.

– Душечка, ты меня по-прежнему любишь. Я это чувствую. Сегодня я хочу прийти в гости именно к тебе и...

– Милый!.. – вдруг нежно перебила его Фаина. – Уже занято. Ко мне сегодня приходят два грузчика.

– Как это грузчики?.. – опешил актер. – Вы – такая замечательная актриса, и вдруг какие-то грузчики?

– Ну и что? – Фаина улыбнулась. – От них пахнет рыбой, не так ли? Но это гораздо лучше, чем запах псины.

Фаина Раневская, юнкер и гусар

Актеры и артисты, да и вообще все люди искусства – народ очень даже раскрепощенный в плане того, что называется интимными связями. Мужчины творческих профессий через одного утверждают, что им нужно обязательно менять своих женщин, потому что в этом – питание их художественного таланта.

Весьма раскрепощены и женщины. Просто в этой среде такие нормы, как верность, невинность до замужества считаются весьма условными, существующими в каком-то ином измерении – например, зрительском. Или данного спектакля.

Поэтому не нужно думать, что Фаина Раневская оказалась самой что ни на есть рьяной сторонницей соблюдения заповедей непорочности и пуританства. В плане отношений с противоположным полом она была самой обычной женщиной своего круга и данного времени.

Тогда в России уже полыхала революция. Крым еще пребывал в каком-то невероятном состоянии ожидания апокалипсиса. Веселье и смерть были рядом, в многочисленных театрах шли разудалые пьесы, гремела музыка водевилей. Голод одних и расточительство других перемешались и сосуществовали, как библейские волк и ягненок. Умирала старая страна...

Артисты, несмотря на напряженные выступления, по большей части нищенствовали. Вырученных денег едва хватало на самый минимум. Голод был так же естественен, как воздух за окном, пропахший трупным разложением. Бравые гусары, студенты, юнкера отдавались безудержному веселью, предчувствуя скорую гибель всего своего мира и, возможно, их самих.

Однажды Фаина Раневская приняла у себя совсем еще мальчишку. Он ждал ее после спектакля почти два часа, очарованный ею на сцене, робея и краснея, подошел и попросил о встрече в каком-либо ресторанчике. Раневская повела его домой. Он был девственником.

Их вечер был наполнен его юношеским нежным чувством и тактом Раневской. Она понимала, что этого мальчишку в новом обмундировании могут убить через несколько дней. Уходя, юнкер достал из кармана мундира небольшой платочек, в котором были завернуты золотые сережки. Материны, объяснил он. Она умерла полгода назад от чахотки. Фаина Раневская не взяла это золото, как ни уговаривал ее юнкер.

Послезавтра она шла в театр, переступая через новые трупы, которые появились на улицах города – ночью опять была стрельба. Актриса издали опознала того мальчишку по светлой улыбке на безусом лице. Он был полностью раздет, тело было пронзено несколькими ударами штыка.

Раневская в полузабытьи прошла мимо театра, и ей пришлось возвращаться. Она играла в этот день в каком-то пустом спектакле, истерично хохотала, потом плакала в тесной камерке примерной.

К ней постучали – принесли какой-то веник наполовину увядших цветов. Затем просунулась маслено улыбающаяся рожа бравого гусара.

Этот откормленный вояка знал, что все в порядке вещей. Актрисы ждали таких приглашений, где был гарантирован хороший ужин, возможность хоть как-то отвлечься от ужасов приближающейся войны и деньги.

Гусар был щедрым, веселым, много пил и не пьянел. Его щедрость была понятна – к чему все эти ценности, если мир рушится? Фаина Раневская кривилась в душе от его неприкрытого хамства, тупого лошадиного юмора. Но смеялась и пила, закусывала, позволяла потным большим ладоням гусара лапать ее бедра.

Когда они пришли в ее квартирку, гусар, не медля попусту, тут же принялся бесцеремонно сдирать с себя одежду Раневская не стала разыгрывать из себя недотрогу, быстро разделась и легла.

Когда гусар наконец справился со своими завязками на кальсонах и повернулся к ней, она не смогла сдержать своего удивления:

– Какой он у вас огромный!..

– Овсом кормлю! – заржал довольный гусар.

По тому, с какой горделивостью он это произнес, Фаина Раневская поняла, что громадный детородный орган этого гусара – настоящая легенда в его полку.

Но любовником он оказался совсем никудышным. Страхи Раневской были излишними. Уже через две коротких минуты гусар отвалился к стене и захрапел. Спать самой Раневской пришлось на небольшой кушетке – храпящий гусар буквально взрывал мозг своими руладами.

Утром гусар попил чаю, хлопнул Раневскую по попке и отправился восвояси. Фаина стерпела. Но вечером ее ожидал не самый лучший сюрприз. Хозяйка театра выплатила небольшое жалованье, что подняло настроение труппы. Артисты решили все вместе отужинать в ресторане. Когда расселись за столом, Фаина Раневская вдруг услышала удивленный радостный возглас позади себя, а потом бесцеремонные пальцы ухватили ее за локоть.

– А вот и моя кобылка! – На нее тарачил ословелые глаза вчерашний гусар.

Потом он повернулся к своим друзьям за столом и громко заявил:

– Эту ночь мой жеребчик проведет в уютном стойле!

Раневская обернулась, лучезарно улыбнулась и ласково предложила:

– Милый, только не забудь накормить своего мерина чем-нибудь еще, кроме овса, чтобы он не издыхал во время скачек.

Дикий хохот пьяных гусаров взорвал ресторанчик.

Через несколько минут на стол артистов передали бутылку настоящего коктельского коньяка. От кого она была – осталось неизвестным.

Раневская и комиссар

Крым был последним островком старой России. Но волна Гражданской войны, дышащая смертью и водочным перегаром, докатилась и сюда. Здесь, в Крыму, нашли последнее прибежище не только офицеры и юнкера, но и артисты, театры и цирки-шапито. Крым агонизировал, задыхался в дыму пожарищ, отчаянно веселился. Все праздновали неизбежную смерть старого мира, а очень многие – еще и свою собственную.

Они умирали. Вечером пели и танцевали в кабаках до полного изнеможения, за фамильные драгоценности покупали последнюю ночь у красавиц, а утром шли умирать. И пели при этом...

Власть в Крыму принадлежала непонятно кому. Она, как настоящая проститутка, отдавалась сегодня одному, завтра – другому, потом уходила к третьему, самому сильному.

Фаина Раневская очень мало рассказывала о том времени, когда Гражданская война дошла до Крыма. Не могла. Всхлипывала от ужаса, давно уже пережитого, взгляд ее застывал, и она вся замирала, не в силах говорить дальше. Там, в Крыму, на берегу моря, у пирса актриса однажды пережила страшнейший шок.

Уже вошли в Крым красные, были разбиты последние части белых. Комиссары организовывали охоту, выискивали среди населения всех, кто хоть каким-то образом походил на их врага. А таковыми являлись все, кто не носил юбку, не был стариком или ребенком.

Однажды Фаина Раневская, тогда совсем еще юная, вышла к морю, чтобы хоть как-то отвлечься от смерти и крови. Она увидела, как на длинный бетонный пирс красные гнали мужчин, полураздетых, в одном исподнем. Была осень, с моря дул холодный пронизывающий ветер, на пирс залетали соленые брызги.

– Не стреляйт! Мы – большевик! Мы – коммунист! – кричали на ломаном русском люди, гонимые штыками.

Но их вели дальше, дальше...

А потом раздался залп. После него зачастили друг перед другом одиночные выстрелы. Тела падали в море, а оно в ответ бросало на пирс кровавые брызги.

Фаина Раневская стояла совсем рядом, близко. Ей казалось, что она слышала, как звонко ударяли пули в голые груди мужчин.

Волны качали трупы, били их о железобетон. Вода стала красной. Она лезла на желто-грязный песок, прямо к ногам Фаины Раневской, онемевшей от ужаса.

А ей завтра нужно было идти в театр. Ведь пьяная матросня требовала каждый вечер спектаклей. Они были нужны новой, красной власти.

И их ставили.

В завтрашнем спектакле у Раневской была роль, где ей требовалось много ходить по сцене, приближаться к самой рампе. Не смогла. Нет, она отыграла какой-то пустой водевиль, но близко к краю сцены подойти не сумела. Перед ней возникал пирс. Внизу бились кровавые волны.

Наступил голод, куда более страшный, чем тот, что был до этого. Новая большевистская власть тут же прибрала к рукам все театры, как большие, так и маленькие, но платить артистам жалованье никто не желал. Сборы от зрителей были мизерными – победители ведь не платят. Наступил момент, когда ни у кого в труппе не осталось еды. Никакой.

Бывшая графиня, сейчас актриса их труппы, все это время поддерживала других последними кусками сахара. Теперь она упала в обморок во время репетиции.

Тогда Фаина Раневская пошла на прием к самому главному комиссару, который был тогда в городе. Было ли ей страшно?

Поставьте себя на ее место, и вы все поймете. Она была свидетелем того, как этот самый комиссар совсем недавно отдавал приказ о расстреле невинных людей на том пирсе. Фаина знала, что по малейшему подозрению в нелояльности к новой власти ее могли расстрелять как пособника мирового империализма без суда и следствия. Да что там какие-то подозрения! Она шла туда, где всякая мораль и нравственность отныне были заменены красными лозунгами, настолько страшными, что ей не хотелось даже вникать в их суть, чтобы сохранить для себя хоть какое-то равновесие мира, окружающего ее.

Могла Раневская не вернуться из того особняка, который нынче стал средоточием красной власти? Еще как! Любой матрос уже на подходе к этому особняку был верховным судьей, мнил себя богом.

Она боялась? Да, Фаина Раневская всегда вспоминала этот поход с содроганием. Любая нормальная женщина, конечно же, должна бояться невоспитанного человека с оружием, опьяненного властью и вседозволенностью. Но ее просила вся труппа. На нее смотрели грустные глаза графини, той самой, которая знала наизусть всего «Евгения Онегина», пришла в театр, потому что хотела играть. Сейчас, теряя сознание от голода, эта женщина не дала никому подумать о том, что сожалеет о своем решении. Она отказалась от жизни графини, выбрала жизнь актрисы, театр.

Фаина Раневская сжалась от омерзения. Она вздрагивала от почти физически липких взглядов красноармейцев. Актриса пошла к комиссару.

– Товарищ комиссар, к вам тут артистка... молодая. – Часовой, стоявший у двери, приоткрыл ее и говорил вглубь. – Нет, на контру не похожа. Конечно, мы свое дело знаем. – Он прикрыл дверь, повернулся к Раневской, замершей перед ним, поудобнее забросил винтовку с длинным штыком на плечо. – Ну-ка, барышня, руки-то подними, пощупаю тебя. – Красноармеец гоготнул и добавил миролюбивее: – А то тут одна такая револьвер несла, стрельнуть хотела.

Раневская никак не ожидала, что ее будут обыскивать. Первые прикосновения грязных рук с траурными каемками под обгрызенными ногтями она восприняла как ползанье крыс по своему телу. Она не смогла унять дрожь. Красноармеец вроде даже как-то виновато облапил ее бока, примял груди, а вот ниже пояса не тронул.

Он вдруг встретился взглядом с Раневской, чуток отшатнулся и заявил:

– Да чего смотришь так! Служба у меня такая. Больно надо мне!.. Иди! – Боец стукнул в дверь, открыл ее перед Раневской.

Комиссар стоял напротив освещенного окна. Раневская в первый момент увидела черный силуэт – и больше ничего. Темный и страшный. Замерший, прямо как коршун перед взлетом.

– Слушаю! У вас пять минут, меня ждут, – сказал он резко, но не грубо.

Этот голос будто включил в Фаине Раневской все сразу: свет, цвет, звук, понимание.

Она увидела этого самого главного в их городе комиссара: ниже среднего роста, высокий лоб, волосы зачесаны назад, чем-то смазаны. Серое лицо.

Фаина взглянула ему глаза, и ей стало ясно: этот ничего не поймет. Для него главное – революция. Он не понимает ничего в жизни, только приказы командиров и марксистско-ленинское учение. Причем так, как его воспринимали тогда все: «до основанья, а затем...» Пока не разрушили до основанья все старое, нечего было и думать о будущем. Об этом станут размышлять другие. Дело комиссара – революция.

Фаина Раневская, еще совсем юная, тогда поняла это. Мгновенно. Она уразумела, что такого человека ничем не пронять – ни просьбами, ни уговорами, ни обещаниями. Он не примет никаких доказательств, ему глубоко безразлично, что там с актерами театра, вообще все вокруг, кроме революции, которую он делает, и войны, которую он сейчас ведет. Потом, когда великие дела закончатся полной победой, комиссар будет беспокоиться о театре.

И Раневская... заплакала.

– Нам... театру нечего есть. Актеры падают в обморок. – Ее слова кое-как пробивались сквозь всхлипывания.

Она вдруг решила для себя, что этого человека в кожанке, здесь, в этом кабинете, один на один может пронять только плач. Искренний, непритворный. Потому что такие мужчины не выносят женских слез. Где-то там, на виду у всех, такой человек, может, и будет молча смотреть на расстрел женщин и детей. Он решит для себя, что они – враги, и выключит таким вот способом свои чувства.

Но один на один в кабинете они не выдерживают. Женские чистые слезы выворачивают их сознание, взрывают мозг, прожигают революционную шелуху и горячими уколами будят в них человеческое. А им от этого становится страшно. Поэтому они так не любят женских слез и боятся их.

Раневская плакала.

Комиссар не стал ее утешать. Он не умел этого делать. Но приказать своему часовому вывести посетительницу из кабинета было бы признанием своей слабости – с девкой не сладил. Комиссар кривился, терпел, потом быстро сел за стол и на клочке бумаги написал несколько слов.

– Хватит плакать. Вот. Найдете товарища Мазурова. – Он протянул Фаине серый листочек.

Раневская не верила своим глазам. Она не смогла понять, что написал комиссар – буквы растекались из-за мокрых глаз, – но уже чувствовала, что не уйдет без ничего.

Так и вышло. Более того, только она спросила у часового, где ей искать товарища Мазурова, как тот мгновенно изменил свое отношение к ней, словно вдруг Раневская надела шинель и буденовку с синей пятиконечной звездой.

Он крикнул своему сослуживцу:

– Быстро отведи к товарищу Мазурову. Товарищ комиссар приказали!

Фаину Раневскую куда-то вели долгими коридорами. Наконец они пришли в огромный то ли сарай, то ли склад с бетонным полом. Пол был скользкий от крови и чего-то еще. Пахло невозможно – тут свежевали коней.

Раневская почти ничего не соображала, ее тошнило до головокружения. Мужчины, измазанные в крови, бросали чего-то в какой-то мешок.

– Хватит, не донесет.

– Не она понесет. Я прикажу – ты потащишь!..

– Я сама справлюсь, – проговорила из последних сил Раневская, мечтающая только об одном: быстрее выбраться на свежий воздух.

Мешок оказался совсем не тяжелым. В нем что-то противно хлюпало, спине было мокро.

– Стой, барышня, дай мешок. – Красноармеец забрал ношу, закинул себе на плечо. – Веди, ведь все одно не донесешь – отберут.

Они шли быстро, но слишком уж долго, как казалось Фаине. Ей очень хотелось дойти поскорее.

Конечно, в мешке было не мясо, ливер: желудок, печень, легкие. Но какой же замечательный бульон у них был на ужин, как упивались они этими минутами!

Старая графиня пила из чашки маленькими глоточками и расспрашивала Раневскую, как та плакала у комиссара.

– Вы – жопа, душечка, – заявила она. – Если бы вы плакали не как девица, а как актриса, вам бы дали мешок настоящей грудинки.

– Вы еще скажите спасибо, что плакали оба моих глаза, – отвечала Фаина Раневская. – Если бы плакал один, я бы принесла пару конячьих членов: вам и мне по одному.

Фаина Раневская и Максимилиан Волошин

Не знаю такого другого поэта в России, который перед своей смертью попросил бы похоронить его не на кладбище, а на сопке, отдельно стоящей в безлюдной степи. Максимилиан Волошин завещал это своим друзьям и родным. Они исполнили его просьбу.

Сегодня Коктебельская бухта в Крыму славится не только своими природными достопримечательностями – скалы Золотые Ворота, горы Кара-Даг, мыс Хамелеон, – но и могилой русского поэта Максимилиана Волошина. Вот уж к ней-то поистине не зарастает народная тропа. Дорожка бежит и петляет в горе, ты поднимаешься все выше и оказываешься здесь – у могилы поэта и человека.

Фаина Раневская будет вспоминать о нем так: «Он спас нас от голодной смерти».

Тогда шла Гражданская война, царил нестерпимый голод. Артисты и поэты, музыканты и писатели ехали сюда, в Крым. Им казалось, что здесь хотя бы солнце сможет помочь пережить ужасы военного лихолетья. Тут оказалась и Раневская со своей подругой и учителем Павлой Вульф.

Максимилиан Волошин нашел свою бухту задолго до революции. Потом она для всех стала бухтой Волошина. Сегодня здесь каждый экскурсовод покажет вам рваные скалы горы Кара-Даг. Там вы без особого труда, следуя его подсказкам, увидите незамысловатый профиль Волошина.

Поэт создал здесь удивительный мир вокруг себя. Некто ехидно заметил, что он лишь ввел в моду среди творческих людей купание голышом. Так можно сказать о снежинке, что она – холодная. Да, действительно, Волошин показал всем своим друзьям необыкновенное место, где купаться нужно именно голышом, чтобы ощутить необыкновенное состояние своего тела в морской воде.

Это недалеко от Золотой скалы. Киммерийские купания, известные еще со времен Древней Греции. Да-да, греки приезжали сюда специально, купаться. Никто не может объяснить некую мистику этого места, но тут явно что-то есть. Температура воды здесь на 2–3 градуса выше, чем в другой части моря. Есть еще что-то необъяснимое.

Это чувствуется в три-пять раз сильнее, если ты вообще без одежды. Если кто купался голышом, тот навсегда запомнит это необыкновенное ощущение. Оно будит память на уровне подсознания. Откуда-то из глубины всех впечатлений всплывает: ты в утробе матери. В первые минуты это пробирает до дрожи.

Но купания возле Золотых Ворот были только неким штрихом, вовсе не обязательным для того мира, который создавал Волошин. Это был мир чувственности, единения с природой, поэтической красоты, особой человеческой нежности и таких взаимоотношений, в центре которых находятся красота и гармония. Каждый человек способен хранить его в своем сердце и объединить с другим. Тогда возникает чудо. Единение людей вокруг прекрасного.

Эта необыкновенная атмосфера осталась после Волошина именно в Коктебельской бухте. В здешних местах расположились многочисленные дома отдыха писателей и поэтов.

Волошин был прекрасным поэтом, а каким мужчиной?

Лучше бы вы не спрашивали.

Роста ниже среднего. Полный. Этакий увалень. Ходил он тяжело, хотя и много. Во время Гражданской войны и голода его полнота в Крыму воспринималась всеми как некое надругательство над голодными людьми, но стоило кому-то увидеть лицо Волошина, и жалость подступала к горлу. Любого человек в один момент понимал, что его полнота – эта некая ужасная болезнь, приносящая поэту массу физических страданий. Он улыбался всегда одинаково виновато перед каждым: будь это мальчишка-оборванец или дама из высшего света, только что обменявшая свои последние чулки на кулек килек.

Раневская, вспоминая о Волошине, говорила:

– Я не встречала человека его знаний, его ума, какой-то нездешней доброты.

Она видела его улыбку, уставшее лицо. Всякий раз ей хотелось чем-то помочь поэту, что-то сделать для него. Но что могла в то время, если именно сам Волошин спасал ее, Фаину Раневскую, и Павлу Вульф от голода?

Он приходил к ним обыкновенно утром, снимал свой огромный рюкзак, выискивал в нем мелких рыбешек. Еще там был хлеб, если ему удавалось достать его, замешенный непонятно на чем и хлебом совсем не пахший. Еще Волошин приносил бутылочку касторового масла – на нем и жарили маленькую рыбку камсу. Есть ее просто так было нельзя – организму требовались хоть какие-то жиры.

Фаина Раневская, к своей беде, не могла выносить запах касторки, тем более когда на ней жарилась рыба. Она противилась сколько могла, но организм был сильнее – и ее рвало. Не важно, уходила она из комнаты или оставалась. Когда на улице Волошин подносил ей кусочек хлеба и коричневатую рыбешку, Раневская не могла это съесть. Она чувствовала себя глубоко виноватой перед Волошиным, а он – перед ней, извинялся и уходил искать хоть что-то еще. И находил.

Он реально спасал от голода не только Раневскую и Вульф. Но с этими двумя актрисами поэт подружился особенно.

Фаина Раневская чувствовала себя многим обязанной Максимилиану Волошину. Но что она, тогда еще совсем юная, могла сделать, как помочь?

Ей представился только один такой случай.

Тогда был вечер. Волошин задержался немного, уже собирался уходить, когда в поселке и на сопках началась пальба. Здесь постоянно стреляли. За один день власть могла смениться по пять раз. Одна сопка могла быть «белой», другая – «красной», третья – еще какого-либо цвета. Так вот, стрельба была очень интенсивной, женщины испугались, Волошина не отпустили.

Этот день сам по себе в той кошмарной жизни был одним из самых замечательных праздников. Пришла Пасха, Воскресение Господне. Стало тепло, наступила весна. Волошину удалось принести в дом Вульф и Раневской кусок настоящего пирога, немного вяленой рыбы, хлеба. Они с необыкновенной печалью отмечали этот христианский праздник. И вот он закончился ружейной и пулеметной стрельбой.

Теперь Фаина Раневская смогла хоть чем-то отблагодарить Волошина. Она уступила ему свою простенькую кровать. Сама легла на полу. Волошин упрямылся, очень стеснялся, множество раз извинялся, уже лежа в постели. Но тут Раневская проявила всю свою твердость. И она, и Павла Вульф понимали, что на твердом полу Волошину будет не просто неудобно. Это опасно для его здоровья.

Утром Волошин ушел, но вскоре вернулся. Никто не спрашивал у него, где он что достает. Но он опять принес кусочек пирога. Может быть, поэт распродал вещи из своего дома, которые благоразумно и своевременно спрятал подальше от глаз мародеров.

И еще он принес стихи. Удивительные и страшные. Мне кажется, что им место в этой книге.

Красная Пасха

Зимою вдоль дорог валялись трупы
Людей и лошадей. И стаи псов
Въедались им в живот и рвали мясо.
Восточный ветер выл в разбитых окнах.
А по ночам стучали пулеметы,
Свистя, как бич, по мясу обнаженных
Мужских и женских тел. Весна пришла
Зловещая, голодная, больная.
Глядело солнце в мир незрячим оком.
Из сжатых чресл рождались недоноски
Безрукие, безглазые... Не грязь,
А сукровица поползла по скатам.
Под талым снегом обнажались кости.
Подснежники мерцали точно свечи.
Фиалки пахли гнилью. Ландыш – тленьем.
Стволы деревьев, обглоданных конями
Голодными, торчали непристойно,
Как ноги трупов. Листья и трава
Казались красными. А зелень злаков
Была опалена огнем и гноем.
Лицо природы искажалось гневом
И ужасом. А души вырванных
Насильственно из жизни вились в ветре,
Носились по дорогам в пыльных вихрях,
Безумили живых могильным хмелем
Неизжитых страстей, неутоленной жизни,
Плодили мщенье, панику, заразу...
Зима в тот год была Страстной неделей,
И красный май сплелся с кровавой Пасхой,
Но в ту весну Христос не воскресал.

21 апреля 1921 г.

Эти стихи, тот небольшой листок Фаина Раневская сохранила у себя на долгие-долгие годы.

Необыкновенная теплота, с которой она всегда вспоминала Волошина, говорит нам прежде всего о том, что в действительности видела Фаина Раневская в мужчине – его душу.

– В этом полном теле было нежнейшее сердце, добрейшая душа, – сказала о Максимилиане Волошине Фаина Раневская.

Раневская, Сталин и дворник

Вы уж извините за долгое вступление, но в этой части оно нам необходимо для того, чтобы понять, какую роль кино сыграло в жизни Раневской. Почему именно этот вид искусства, а не какой-то иной?

Как нам известно из курса истории КПСС, товарищ Сталин был верным учеником Ленина. Таким, который стал равным своему учителю и даже превзошел его... в некоторых случаях. А сам товарищ Ленин, тот самый, который устроил большевистский переворот и на семь десятков лет погрузил Россию в мракобесие марксизма-ленинизма, очень любил кино. Нельзя сказать, что он был его фанатом, собирал лучшее и выставлял на полки. Нет, товарищ Ленин увидел в кино самое мощное агитационное средство, самый надежный инструмент для промывания мозгов рабочих и крестьян.

Еще до Ленина было известно, что самый эффективный способ агитации, пропаганды и продвижения новых идей лежит в плоскости искусства. Что прямыми призывами и обещаниями можно лишь поднять черносотенцев на новый еврейский погром, матросов – на захват Зимнего дворца. А вот переломить мышление, веками сложившееся, изменить нравственную оценку событий, заставить человека пересмотреть свое мировоззрение, изменить существующую систему ценностей – это долгий и кропотливый труд.

И искусство здесь – незаменимый инструмент.

В начале таковым был театр. В самые первые годы своего владычества коммунисты во всех городах и поселках начали создавать театры. В университетах, школах, деревнях. Что там показывали? Как обычно: агитационные низкопробные постановки.

Но товарищ Сталин сумел поставить себя на место зрителя. Он понимал: искусство тогда поможет, когда оно сильное, самое настоящее. Когда на сцене – таланты, а не оболтусы, желающие урвать кусок от пирога, выделенного на агитационную работу.

Это только прихлопнутым революционерам-народникам – были такие еще до Ленина – казалось, что в народе дремлет огромный нераскрытый талант. Только дай ему волю, он размахнется во всю свою ширь, поразит весь мир своей удалью да блеском бесчисленных граней.

Правда жизни выглядела куда прозаичнее. Тот самый освобожденный народ никакими алмазами не вспучился и ничего сверхъестественного не родил. Оказалось, что талант – это еще и наука, обучение, долгий труд.

В общем и целом, талантов не хватало. Театр может весь год работать в одном городе, дважды в день давая спектакли. Но все жители не смогут посмотреть выбранную пьесу даже по одному разу.

А провинциальные городки? А сельское население, которое на тот момент составляло почти 80 процентов всех жителей страны?

Вот поэтому товарищ Ленин и увидел в кино спасение великого дела агитации и пропаганды. Ведь что получается: снял фильм один раз, наделал из него кучу копий. Потом вози их по всей стране, по кругу, показывай людям! Хочешь и можешь в большом городском кинотеатре – пожалуйста. А можно в деревенской избе! Простыню на стену – вот тебе и экран.

Можно и на полевом стане, на свежем воздухе, так сказать. Главное: кинопроектор, динамо-машина, чтоб электрический ток давать, да автомобиль, чтоб разъезжать по необъятным просторам.

И вот в великом множестве строятся кинотеатры, в каждом городе по несколько штук. Каждый сельский клуб строится с большим залом. В спешном порядке закупаются техника и автомобили. Армия кинопередвижек выезжает на дороги большевистской империи.

Автомобилей не хватало на самых необходимых и важных участках, а Сталин приказал в первую очередь обеспечить ими как раз эти самые кинопередвижки. Чувствуете, каким важным было для него кино? Это еще Ленин сказал: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». Вот так вот! Агитация и пропаганда – прежде всего!

Теперь становится понятным, что настоящие актеры кино, яркие, талантливые, были для советского правительства равными по ценности настоящим алмазам. Это не означало, конечно, что их вставляли в оправу из золота, наделяли всеми земными благами, лелеяли и холили. Но – берегли. Актерский талант в один момент взрастить нельзя. От попыток в лубянской застенке он почему-то не появлялся. Его важность для большевиков была оценена на самом высоком государственном уровне.

Первая кинопроба Фаины Раневской прошла в кинофильме «Пышка» Михаила Ильича Ромма. Фильм был немой, то есть без звука. Именно специфика немого кино требовала от артистов самого настоящего мастерства, мимического, жестикуляционного, чтобы без слов передать на экране эмоции и чувства героев.

Фаина Раневская сыграла блестяще, так, что на следующую съемку была приглашена сразу же. Это был фильм «Мечта». И пусть там Раневская играла роль опять не самую главную, она снова запомнилась зрителям яркостью образа, жизненной правдой.

Были и другие съемки и фильмы.

Тут мы вынуждены опять немного отвлечься, но уже по другому поводу. Пусть большевики считали талантов кино своими драгоценными камешками, но был один нюанс, который в Советском Союзе стоял над всеми ценностями мира. Это – Его Величество Донос. 1937–1938 годы оказались страшными в своей беспощадной «чистке». Это был жутчайший террор, когда по одному только слову человека могли попросту уничтожить.

«Он неодобрительно высказывался о советской власти». Это было приговором, окончательным и безжалостным.

Днем страна жила как будто спокойно и даже весело. А ночью воронки колесили по улицам, собирая свою жатву. Счет жертв шел на миллионы. Никто не был защищен! Желу самого всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина обвинили в шпионаже и бросили в застенки! Что говорить о простых актерах, если в лагеря шли выдающиеся ученые, врачи, военачальники, писатели, сами коммунисты сплошным потоком. Ко всему прочему, Фаина Раневская принадлежала к той самой национальности, к которой в это черное время у товарищей чекистов вдруг проявилась особая бдительность.

Вот таким было то время и обстоятельства вокруг одного случая, о котором мне и хочется сейчас рассказать.

Итак, Фаина Раневская после спектакля вернулась домой, поужинала, легла спать.

В это время в самом центре Москвы, в Кремле, товарищ Сталин проводил прием. Глубокой ночью? Не удивляйтесь, у тогдашнего вождя мирового пролетариата были свои фокусы. Обычно он спал до полудня, работал до двух-трех часов ночи. Почему бы и нет?! Пусть страна видит: светятся окна кабинета товарища Сталина! Не спит, болезненный, все работает на благо великой страны!

На тот прием были приглашены режиссеры, бойцы идеологического фронта. Сталин решил поблагодарить этих товарищей за создание очередного фильма о великой победе революционной мысли и роли коммунистов в пробуждении рабочего класса.

Так вот, товарищ Сталин остался очень доволен фильмом. Он его устроил, что называется, по всем параметрам. Будучи в хорошем настроении, Сталин шутил, разговаривал о работе режиссеров и игре актеров.

В ту пору одним из самых известных актеров был Жаров. Он играл роли очень ответственные, идеологически выверенные, был любимцем всего партийного аппарата.

И вот товарищ Сталин глотнул красного вина за здоровье такого актера и заявил:

– Очень хорошо играет товарищ Жаров. Очень профессионально играет, правдиво. И вот что интересно: как товарища Жарова ни оденут, как его ни загримируют, а все равно в фильме сразу все узнают – это товарищ Жаров. А вот есть у нас еще актриса, товарищ Раневская. Она и не переодевается, и прическу ей не меняют, а в одном фильме она – одна, а в другом фильме – совсем другая. Не узнать. Сильная актриса.

Для Жарова, любимого всем советским народом, это было ужасающее сравнение. Сталин вольно или невольно задел тему, самую главную для любого актера – о магии перевоплощения. Когда исполнитель без всякого грима превращается в своего героя до такой степени правдоподобности, что в молодом человеке с галстуком-бабочкой зритель способен увидеть Кощея Бессмертного, если актер этого захочет.

Одновременно это была высшая оценка таланта Фаины Раневской.

Михаил Ромм, который присутствовал на этом приеме и слышал слова Сталина, бросился искать телефон. Ромм был очень порядочным человеком, интеллигентным и умным. Он понял весь смысл сравнения Сталина.

Звонок поднял Фаину Раневскую с постели. Она вскочила в страшном смятении. Поначалу ей показалось, что звонят в дверь. Это могло значить только одно: за ней пришли. Но звонок был телефонный. Но спокойнее Раневской не стало. Ее сердце почти замерло.

– Алло, слушаю, – стараясь подавить волнение, сказала в трубку Раневская.

– Фаиночка, дорогая, я вас поздравляю! – закричал счастливый Михаил Ромм. – Сам похвалил вас! Он лично отметил вашу игру!

Сам – это значило Сталин. Как некогда древние славяне не называли медведя своим именем, так и советские люди старались не произносить имя Сталина всуе.

Ромм пересказал слова Сталина об игре Жарова и Раневской дважды, потом еще раз.

Фаина Раневская не замечала, как по ее щекам текли слезы. Она горячо поблагодарила Ромма, накинула на плечи домашний халат. Актриса открыла шкафчик и увидела там бутылку дорожущего коньяка, которую ей презентовали недавно после одного спектакля от имени «трудящихся шарикоподшипникового завода».

Бутылка есть, причина, повод и желание выпить тоже налицо, но с кем? Не станешь же пить одна, в половине третьего ночи?

Фаина Раневская с бутылкой вышла из квартиры. Кругом царил тишина. Она решительно направилась в дворницкую, расположенную в цокольном этаже дома.

Стоит отметить, что в то время дворник следил не только за чистотой и порядком во дворе и доме. Это был еще и, так сказать, милиционер на общественных началах. Как правило, внутренние дворы домов имели ограду, были и ворота, которые запирались. Ключи от них хранились у дворника. Он был и сторожем, и охранником.

Из этого следует категорический вывод: дворник не должен спать ночью!

Вот к нему-то и направилась Фаина Раневская. Дворник, мужик пятидесяти лет, с окладистой бородой, спал богатырским сном.

– Митрич, вставай! – с порога закричала Фаина Раневская, ориентируясь на здоровый храп.

Тот мгновенно смолк. Под низким потолком загорелась тусклая лампочка, засиженная мухами.

– А я и не сплю! – пробасил испуганный Митрич, пытаясь проморгаться, растирая кулаками смятую рожу. – Фаина Георгиевна, как есть не сплю! Вот давеча говорили, пытался один гражданин влезть к нам во двор с непонятными намерениями, так я того, чтоб его не испугать, свет погасил, а сам весь внимание, выслушиваю...

Митрич наконец-то проморгался и сейчас застыл в немом удивлении. Перед ним стояла такая уважаемая женщина, артистка Фаина Раневская, в домашнем халате, из-под которого свисала до пола ночная рубашка. Но воображение не успело проснуться в его мозгу и

нарисовать картину пожара или иного несчастья, которое могло заставить женщину в таком виде прийти в его дворницкую.

Фаина Раневская выставила из-за спины бутылку с коньяком и сказала:

– Митрич, иди к черту со своим воришками. Видишь – коньяк у меня. Давай, доставай посудинки, выпьем!

– А что же, это мы мигом, это можно. Что ж не выпить с культурной женщиной, если ночь тихая да спокойная, – подгонял сам себя Митрич, смахивая с небольшого стола крошки, ставя на него стаканчики, пододвигая колченогий стул для Раневской. Он подождал, пока гостья устроится, потом присел сам.

– Наливай, Митрич. – Фаина передала ему бутылку. – Есть причина, дорогой мой человек.

– Ночь прожили – вот и причина, – уже тихо, безо всякого волнения ответил Митрич, открыл коньяк, разлил его по рюмкам и добавил: – Благодарствую, Фаина Георгиевна!

– Не за что меня благодарить. Правильно думаешь, Митрич. – Раневская улыбнулась. – Меня вот полчаса назад товарищ Сталин похвалил. Хорошо, сказал, играет наша Раневская. А, Митрич? Хорошо ли я играю? Фильму со мной смотрел?

– Да куда уж мне судить, как вы там и чего делаете. Мне главное, что человек вы хороший.

После первой рюмки Митрич уже окончательно прогнал конфуз, вызванный одеянием Раневской.

Была тихая ночь, рассвет уже начал брезжить над городом. Сталин и его ополчение пошли отдыхать, мертвецким сном спали уставшие люди, недавно присутствующие на приеме. Только в небольшой дворницкой, сейчас такой уютной для них двоих, освещенной тусклой лампочкой, сидели два счастливых человека и пили коньяк. Им было весело, они вспоминали смешные истории, старались еще больше развеселить друг друга.

Поняли ли вы, дорогие мои читатели, почему Михаил Ромм так истово бросился искать телефон, чтобы обрадовать Раневскую? Уловили ли вы всю глубину чувств Фаины Георгиевны? Нашли ли настоящую причину ее слез?

А вот тогда тот самый дворник Митрич все понял, причем сразу. Его слова о том, что «ночь прожил» – это ключ к пониманию чувств Раневской в тот момент.

Сталин ведь не просто похвалил Раневскую. Он назвал ее имя вслух – и его слышали все, кому нужно. Это была, по сути, команда: «Раневскую – не трогать». На нее наверняка уже пришла не одна сотня доносов – с таким-то характером! Лубянка наверняка уже была готова по одному только движению брови великого вождя броситься на актрису и рвать ее клыками.

Но Сталин приказал не трогать, дал ей индульгенцию. Тогда это поняли Ромм, Раневская и даже дворник Митрич. Сейчас это ясно нам.

Фаина Раневская будет плакать еще один раз в связи с именем Сталина. Много лет пройдет, когда в ее квартире раздастся телефонный звонок. Она снимет трубку, и знакомый голос скажет ей лишь одно слово: «Сдох».

Она поймет, конечно, кто сдох. И слезы сами покатятся из ее глаз. Конечно, не от горя из-за смерти великого Сталина. Это будут слезы по тем сотням ее близких и друзей, которых уничтожила система тотального террора. Фаина Георгиевна заплачет от облегчения.

Раневская с той ночи станет для дворника Митрича не просто хорошим человеком. Он превратится в ее незримого охранника и будет ревностно следить, как бы кто не обидел его живую богиню.

А выпьют они еще вместе не раз.

Раневская, Сталин и Эйзенштейн

Ну, давайте признаемся честно: кто не знает Эйзенштейна? Да не нужно краснеть, ничего страшного на самом деле в этом нет, если и не знаете. Почему вы должны знать Эйзенштейна? Раневская – это актриса, женщина-легенда, настоящая умница. А Эйзенштейн – режиссер. Да, великий и очень раскрученный. Но, как говорится, широко известный в узких кругах.

Допустим, ваша жизнь связана с театром, телевидением, созданием спектаклей, фильмов. Тогда – да, знать этого режиссера вы просто обязаны. Он, добавлю, создал куда меньше фильмов, причем совсем не таких смешных и интересных, как Леонид Гайдай, например. И роли на экранах не играл. Так почему его должны знать через полста лет после смерти самые обыкновенные жители России? Фильм «Броненосец «Потемкин» – это совсем не «Джентльмены удачи»!

Но для своего времени Эйзенштейн – фигура, величина, глыба, мыслитель и создатель. Режиссер с мировым именем.

И вот в каком-то там древнем году – война с немцами, которая Вторая мировая, или Великая Отечественная, еще не началась – вызывает товарищ Сталин, вождь всего советского народа, к себе Эйзенштейна и говорит, что нужно, мол, сделать хорошее кино.

Эйзенштейн тут же спросил, какое именно. Он сразу понял, что если уж сам товарищ Сталин забеспокоился новым кино, то тут ни шутить, ни спешить не стоит.

Товарищ Сталин начал издали.

Он рассказал о том, что в неустанном труде, в деле построения нового мироустройства на такой огромной территории нельзя забывать, что фундамент-то был сделан не нами, а до нас. Крепкий фундамент, надежный. Так почему мы, большевики, делаем вид, что такого фундамента вроде как бы и нет? Это же, мол, неправильно. Как вы считаете, товарищ Эйзенштейн?

Товарищ Эйзенштейн осторожно согласился с товарищем Сталиным, что история Российского государства содержит в себе много хороших... нет, поучительных моментов.

– Это хорошо, что вы понимаете всю суть вопроса. – Сталин легонько ткнул в грудь Эйзенштейна погасшей трубкой. – Почему мы должны скрывать, прятать, замалчивать то хорошее, что было до нас? Разве на Куликовом поле сражались не русские люди? И если их вел князь – значит, это был на тот момент великий человек, если была одержана победа. А вот, скажем, цари. Они были разные. Мы, конечно, строим самое справедливое государство, где власть принадлежит народу. Но было в истории время, когда народ, в силу своей необразованности, не мог видеть всех направлений и перспектив развития. И тогда царю приходилось идти на непопулярные меры, но вести за собой людей. Делалось это ради всего государства, а не какой-либо зажиточной части бояр. Как вы считаете, товарищ Эйзенштейн? Такие люди были в российской истории?

Режиссер все понял.

– Товарищ Сталин, я думаю, что фигура царя Ивана Грозного, поставившего себе целью объединить русские земли и создать сильное государство, достойна нашего внимания.

– Вы правильно думаете, товарищ Эйзенштейн. Когда вы будете готовы приступить к съемкам фильма?

Из кабинета Сталина Эйзенштейн не выходил – он буквально летел. Еще бы: царь Иоанн Грозный! Глыба! Эпоха! Личность!

А мы-то с вами сегодня понимаем, зачем был нужен Сталину мертвый царь? Сперва вся новая большевистская Россия шархалась от царей, как черт от ладана, и вдруг на экранах появится царь! Да еще в качестве положительного героя!

Давайте вспомним один любопытный момент. Чисто литературный. Помните такого писателя Алексея Толстого? Того самого, который написал бессмертную «Аэлиту»? А ведь он еще и роман создал, огромный, толстый. «Петр Первый» называется. Вот что удивительно: за этот роман Алексей Толстой получил Сталинскую премию, был обласкан партией и правительством на самом высоком уровне. Даже Шолохов с его «Тихим Доном» и «Поднятой целиной» был не столь почитаем товарищем Сталиным.

Что же случилось? Почему и зачем советскому правительству вдруг спешно понадобились мертвые цари России?

Ларчик открывается в два поворота ключа.

Первый поворот: историческая правда, наши корни. Людям свойственна память. Именно она позволяет создать самое мощное чувство любого настоящего гражданина – патриотизм. Если у человека нет памяти, из него не сделаешь гражданина своей страны. Именно по этой причине 6 января 1943 года на форме бойцов и командиров Красной армии вдруг появляются погоны. Вся история, преподаваемая на советский манер, перевертывается с ног на голову. В один ряд идут уже не проклятые царские генералы, а выдающиеся российские полководцы: Нахимов, Ушаков, Суворов, Кутузов...

Второй поворот ключа: роль личности в истории.

Тут случилась вот такая заковыка. Кое-какие большевики начали осторожно распространять мнение, что, дескать, партия – орган коллективного правления, а вот товарищ Сталин единолично руководит. Как-то неправильно получается. Не пора ли товарищу Сталину потесниться у руля?

В ума и сердца людей того времени нужно было в самом срочном порядке решительно вбрасывать красивые легенды о руководителе, о радетеле за общее благо, об умном, далеко глядящем лидере. Вот появился на экране не очередной герой минувшей Гражданской войны, а князь Александр Невский. Чтобы понял народ ясно и бесповоротно: общий героизм – дело нужное и решительно необходимое. Однако без умелого руководителя оно гроша ломаного не стоит.

Нетрудно догадаться, что фильм Эйзенштейна о царе Иване Грозном должен был провести самую прямую аналогию с тогдашним временем. Царь в одиночку, сражаясь против тугодумных бояр, создал великую державу. Сейчас товарищ Сталин руководит строительством нового Советского Союза.

Эйзенштейн понял, что от него хотят. Да, это был заказ, но мастер увидел в этом фильме великие возможности для раскрытия не только своего таланта, но и мастерства актеров. Царь Иван Грозный – это была поистине мировая величина, одна из самых загадочных личностей в русской истории. Перед Эйзенштейном вдруг раскрылась настоящая целина, и в руках у него был пропуск на любые работы, проводимые здесь. Он не сомневался в том, что сделает фильм!

Сценарий кинокартины был готов в самое короткое время. Одновременно с работой над ним шел поиск актеров. Потому что режиссер понимал: больше половины успеха фильма – в отличной игре, в умении актеров прочесть и раскрыть замысел режиссера.

Вот тут-то и пряталось первое препятствие. Уже тогда партия очень бдительно следила за тем, какие актеры исполняют те или иные роли. Вот товарищ Жаров? Нет вопросов – хоть какую роль, главное – положительную.

Товарищ Раневская? Нет, только задний план. Она не положительная.

А ведал всем этим специально созданный комитет по кинематографии, цепной пес советской идеологии. И руководил данной конторой товарищ Большаков. Вот такая звучная фамилия была, запоминайте. Она еще у нас всплывет.

Товарищ Большаков вычеркнул Фаину Раневскую из списка актеров фильма «Иван Грозный». Раньше вы уже прочитали про это: «Семитские черты лица Раневской очень

явственно проступают на первом плане». К слову сказать, на ту роль утвердили актрису, которая ну никак не отвечала требованиям госкомитета в отношении чистой славянской внешности.

Эйзенштейн оказался в такой ситуации, что хоть плачь. Дело в том, что он уже не только пригласил Раневскую на съемки фильма, но и снял несколько эпизодов. И то, как Фаина Раневская играла на сцене тетушку Ивана Грозного, было именно видением режиссера!

Раневская не просто угадала замысел Эйзенштейна. Она привнесла в свою героиню новые, глубокие черты, раскрыла этот персонаж во всей полноте.

И тут – запретить. Убрать. Заменить.

Эйзенштейн был в бешенстве.

Все его попытки переубедить Большакова и комитет ни к чему не привели. Он понял, что проиграл.

Раневская, конечно же, уловила ситуацию ничуть не хуже Эйзенштейна. Она вынуждена была проглотить острый ком обиды, дичайшей несправедливости. Но где-то в глубине души Фаина Георгиевна считала, что режиссер сделал не все возможное для того, чтобы отстоять для нее эту роль.

Давайте с этим согласимся. Да, был товарищ Большаков и комитет по кинематографии. Но был и Сталин, в кабинет которого допускался Эйзенштейн. Вполне возможно, что сам режиссер не пошел на сознательное обострение конфликта с Большаковым, ведь от этого функционера тоже немало зависело. Как говорится, не стоит прыгать через голову.

Вряд ли Большакову понравилась бы настойчивость Эйзенштейна, выразившаяся в отстаивании списка актеров в кабинете у самого великого вождя. Может быть, Эйзенштейн, весь поглощенный фильмом, решил, что не такая уж и большая беда для Фаины Раневской – отсутствие роли. Тем более что сама артистка ставила кино все же ниже театра как вида искусства.

Но как бы то ни было, Фаина Раневская имела право на обиду.

Великий режиссер начал работу без Раневской, с новой актрисой, утвержденной на самом верху. Но чем дальше шли сцены, тем больше он отчаивался. Та персона, которую играла актриса, назначенная коммунистами, была именно тетушкой – этакой дородной, старомодной, озабоченной своими бочками с капустой и огурцами в погребях, питанием племянника. А нужна была пружина, некий движитель, носитель импульса, незаурядный ум. Интересы тетушки Ивана Грозного должны были быть шире кадок в погребке.

Не получалось!

Сколько ни пытался Эйзенштейн донести новой актрисе, какой должна быть тетушка Ивана Грозного – все впустую. Как заклятье какое легло на эту роль. И тогда Эйзенштейн решается на особую дерзость. Я бы сказал, на двойную. Он срочно телеграфирует Фаине Раневской и приглашает ее немедленно прибыть на съемки.

Дерзость в отношении руководства комитета по кинематографии понятна. Но Эйзенштейн рассчитывал на то, что победителей не судят. Вот, дескать, сделает он с Раневской те же фрагменты, которые уже отсняты с утвержденной актрисой, и привезет их на просмотр к Большакову. Тот все увидит и согласится.

Дерзость в отношении Фаины Раневской была спрятана поглубже. Актриса, конечно же, поняла, что Эйзенштейн решил сыграть втихую, просто использовать ее. Он не попытался еще раз убедить Большакова в необходимости смены актера на роль. Это была настоящая авантюра. Раневской предстояло сыграть в ней безропотную особу, тупо послушную великому режиссеру.

Был еще один момент, который надеялся использовать Эйзенштейн. На то время Фаина Раневская осталась без роли в театре. Так получилось – закрыли спектакль, в котором она

играла. Это не было чем-то удивительным. Вот, нашли вершители советской идеологии что-то этакое, несвоевременное, а то и вредное, и закрыли. А в новом спектакле для Раневской роли пока не было. Остаться без роли – сидеть без денег. Эйзенштейн прекрасно понимал это.

Может быть, что-то вышло бы и иначе? Вдруг Раневская, сама изрядная авантюристка, и согласилась бы с предложением Эйзенштейна? Допустим, Большакова убедили бы сцены, сыгранные ею.

Но в это время Фаина Раневская переживала куда большую беду, чем отсутствие ролей в театре. Да, ей было очень тяжело. Артистке пришлось распродавать то, что не казалось на тот момент необходимым, во многом стесняя себя. Но Фаину Раневскую быт не волновал никогда. Она вообще очень странно относилась к деньгам, особенно с точки зрения советского обывателя. Артистка не любила деньги и никогда их не считала.

Куда больше Раневскую волновал вопрос здоровья Анны Ахматовой, которая заболела. Фаина Георгиевна взвалила на себя все обязанности врача, сиделки, добровольной домработницы своей подруги.

Поэтому предложение Эйзенштейна очень больно резануло ее самолюбие в тот момент. Она даже не ответила на его телеграмму.

Режиссер через общих друзей еще раз передал Раневской свое предложение. В нем содержался весьма прозрачный намек на то, что она сможет значительно улучшить материальное положение. «Хоть денег заработает, дура, если даже и не утвердят на роль».

Фаина Раневская нисколько не колебалась с ответом.

– Передайте Эйзенштейну, что я лучше стану продавать кожу со своей задницы, чем сниматься в его паршивом кино!

Ну что ж, так ему и передали.

Прошло некоторое время, запомнившееся ей безденежьем и нервным истощением из-за болезни подруги. И вот от гениального режиссера последовал ответ. Через друзей он спрашивал у Раневской, как идет торговля кожей с ее задницы.

Как надо было поступать Фаине Георгиевне, что отвечать?

А ничего она не ответила. Потому что догадалась: Эйзенштейн понял ее состояние на тот момент. Он сообразил, что она сама догадалась, какую роль ей предстояло сыграть в игре с Большаковым. До режиссера дошло, что актриса имела полное право ответить ему именно так.

Поэтому он и сам изъяснялся в таком же стиле. В итоге состоялся обмен уколами между двумя людьми, которые уважали друг друга за мастерство и ум и могли прощать мелкие обиды. Это было чем-то вроде игры на публику, тем более что такая пикировка отвлекла досужие разговоры от главной причины неутверждения Раневской на роль тетушки Ивана Грозного. Ни Эйзенштейн, ни сама Фаина Георгиевна не хотели, чтобы об этом говорили шепотом или вслух. Это было просто рискованно.

Еще один маленький штрих. Во время болезни Ахматовой на ее имя пришел солидный денежный перевод от незнакомого лица. Эти деньги оказались очень кстати. Думаю, Раневская вполне догадывалась, кто был отправителем.

Но на этом наша глава об отношениях Фаины Раневской и Эйзенштейна совсем не заканчивается. Кстати, наверное, неправильно мне все время писать только фамилию режиссера, невольно покрывая его слоем забронзовелой гениальности. Ведь имя-то у него было! Было. И звали его мягко и совсем по-русски – Сергеем.

Вот вы сами наверняка заметили любопытную вещь. Стоило нам прочитывать имя – и перед нами не только гениальный режиссер, получивший лично от Сталина благословление на съемки одной из самых величественных исторических картин, но уже и мужчина.

Заметим справедливости ради: очень даже симпатичный. Вот как описывали его очевидцы в молодости: «Золотоволосый, с нежным цветом лица, какой бывает у рыжих людей, с тонкими бровями и с очень красивыми руками». Когда Сергей Эйзенштейн повзрослел, то: «Он не стал толстяком. Был по сложению похож на японского борца с невыделенными сильными мускулами, с очень широкой грудной клеткой и с мягкими движениями». Свои густые, но послушные волосы Сергей Эйзенштейн всегда зачесывал назад, открывая высокий и прямой лоб.

Теперь давайте подумаем вместе. Талантливый режиссер, симпатичный и сильный мужчина, умный, острослов, порядочный, умеющий признавать свои ошибки. Это с одной стороны. С другой: своенравная, но справедливая женщина, ценящая в первую очередь ум, талантливейшая актриса, интеллигентная, отвергающая мещанство во всех его проявлениях, как проказу, свободная в своем выборе и симпатичная.

Что могло быть между ними? Дружба? Ну конечно! Тот самый острейший обмен уколами и выпадами больше подчеркнул в них ум, хорошо заметный и для всех остальных, нежели нанес каждому смертельную обиду. Симпатия? Безусловно! Оба видели друг в друге таланты, не считали себя соперниками. Они были не на разных сторонах баррикады, при определенных обстоятельствах вполне могли бы оказаться в одной команде.

А влечение? А любовь с ее финальным аккордом в виде интимных отношений – могла быть?

Конечно, могла. А была?

Вот тут вопрос. Очень даже большой. Во-первых, сам Сергей Эйзенштейн никогда не распространялся о своих связях. Да, он был женат – в 1934 году состоялась его свадьба. Но в его записях, которые были опубликованы вдовой после смерти режиссера, не содержалось ничего личного. Он наверняка был из тех по-настоящему порядочных людей, которые делают все, чтобы из-за их небрежности или недосмотра случайно не пострадали другие люди.

Во-вторых, сама Фаина Раневская наотрез отказывалась распространяться перед журналистом Скороходовым о некоторых сторонах и деталях своей жизни. Он собирался делать о ней книгу. Фаина Раневская согласилась, поскольку сама так и не смогла написать о себе больше нескольких листов.

Ему, Глебу Скороходову, она рассказывала почти все, но о своих чувствах – практически ничего. Ни слова об интимных делах. Все вскользь, полунамеком. В итоге приходится и сегодня иногда встречать мнение как будто и серьезных исследователей жизни Фаины Раневской, которые утверждают, что она, видите ли, была женщиной нетрадиционной сексуальной ориентации. Мол, поэтому и семьи у нее не было, и ни одного любовного скандала в театре, и с Ахматовой дружила.

Это точно – семьи у Фаины Раневской не было. И с Ахматовой она дружила очень сердечно. Кстати, сама поэтесса одно время открыто жила с женщиной, уйдя от мужа. Ни в одном пошлом скандале с визгом и тасканием за волосы Фаина Георгиевна замечена не была. Так что же – и с мужчинами у нее ничего не было?

А как же те юнкер и гусар, у которого некоторый орган находился на овсяном рационе? Тот самый первый актер, нагло обманувший и унизивший девушку, еще совсем юную? Как же вам тогда вот такое высказывание Фаины Георгиевны: «В нынешний театр я хожу так, как в молодости шла на аборт, а в старости – рвать зубы».

Тут все понятно? Как думаете, часто ли приходилось Раневской ходить в театр? А рвать зубы? Ну, максимум тридцать два раза, никак не больше. Нормальный человек, услышав такую фразу, придет к простому и логичному выводу: Раневская делала в молодости аборт числом не менее трех.

Выходит, что Фаина Раневская имела интимные отношения с мужчинами. Скажем категорически: она была женщиной, нормальной во всех отношениях. Внутренняя свобода в выборе делала ее связью с таким мужчиной, как Сергей Эйзенштейн, очень даже возможной.

А что же сам Сергей? Был ли он из тех, кто, имея жену, мог слегка увлечься интересной женщиной?

Давайте не станем подробно останавливаться на этом вопросе. Хотя в его воспоминаниях и нет эпизодов, рассказывающих о личной жизни «на стороне», есть масса свидетельств других людей. Да, Сергей Эйзенштейн был очень талантливым, весьма уважаемым человеком. Настоящим интеллигентом.

Именно эти качества послужили основой того, что вокруг него никогда не было сплетен и скандалов. А повод и причины имелись. Сергей Эйзенштейн, как и все художники, являлся увлекающейся натурой.

У него были большие и малые романы. Впрочем, он ясно осознавал свою способность увлекаться, поэтому сам же и сдерживал себя в своих чувствах, когда видел, что они могут привести к ненужным тратам сил и нервов его самого и близких.

Был и еще один интересный момент в жизни Сергея Эйзенштейна. Сегодня таких людей называют бисексуалами. Да, не удивляйтесь. Персон с таким складом ума и психики немного, но они есть – те, которые могут любить как мужчин, так и женщин. Сергей Эйзенштейн был именно таким. Ему случалось увлечься и актрисой, и актером.

Так что иметь мимолетную связь с Фаиной Раневской такой человек очень даже мог. Тем более его, человека высокого художественного мышления, буквально возбуждал чужой ум, способность мыслить образно и красиво.

Фаина Раневская – первая кандидатура на такой пьедестал. Согласны?

В общем и целом мы с вами вместе убедились в том, что у Фаины Раневской и Сергея Эйзенштейна были все причины для того, чтобы между ними возникло влечение. Между ними не происходило ничего такого, что могло бы в зародыше погасить это увлечение. Проще говоря, они не были ханжами и не возводили слова из Библии: «Не возжелай жену ближнего своего» в священнейший из заветов. Нормальные, свободные, творческие люди из той среды, которая никогда не была сжата монашескими нормами. Отсутствие громких любовных историй в театре могло рассматриваться как доказательство того факта, что там нет настоящих актеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.